

КАНТ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: СПОР ИЛИ СОГЛАСИЕ?

А. Г. Вяткина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2023 г.

Аннотация: в настоящей статье мы, во-первых, касаемся вопроса о том, может ли кантовская система категорий быть опровергнута с позиции достижений частной науки, к примеру, физики. И, во-вторых, могут ли развиваться сами категории. Обоснование отрицательного ответа на оба вопроса требует анализа оснований, на которых выстраивалась данная система. Одним из принципиальных оснований является набор функций суждений формальной логики, выражающий различные способы связи эмпирического материала. Кантовская теория познания требует разграничения следующих рациональных форм: категория, предикабилия, эмпирическое понятие науки. Категории и предикабилии представляют систему априорных, универсальных и внеисторических структур нашего сознания, эмпирические понятия историчны и не имеют ограничений в своем развитии. «Затравочный образ» (С. Н. Жаров) рассматривается как промежуточное звено между предикабилией и эмпирическим понятием. Однако, поскольку основания логических форм мышления, в частности, суждений, относятся к числу дискуссионных вопросов современной науки, то проблема полноты системы категорий остается открытой. В контексте прояснения данных оснований перспективным представляется деятельностный подход, развиваемый в рамках наук о сознании, биологии, психологии, эволюционной эпистемологии.

Ключевые слова: кантианская программа, категория, предикабилия, эмпирическое понятие, затравочный образ, телесенное сознание.

Abstract: in this article, first of all, the question of whether it is possible to refute the Kantian system of categories in terms of the achievements of a particular scientific field is considered. And, secondly, whether categories can develop. The proof of a negative answer to both questions requires an analysis of the foundations on which this system was built. One of the foundations is a system of functions of logical propositions, which expresses various ways of connecting empirical material. Kant's theory of knowledge requires the differentiation of the following rational forms: category, praedicabilia, empirical concept of science. Categories and praedicabilia represent a system of a priori, universal and non-historical structures of our consciousness, empirical concepts are historical and have no limitations in their development. The «inceptive image» (S. N. Zharov) is considered as an intermediate link between praedicabilia and empirical concept. However, the foundations of logical forms of thinking, in particular, propositions, are among the debatable issues of modern science. Therefore, the problem of the completeness of the system of categories remains open. In the context of clarifying these foundations, the activity approach seems to be promising. It develops within the framework of the sciences of consciousness, biology, psychology, evolutionary epistemology.

Key words: Kantian program, category, praedicabilia, empirical concept, inceptive image, embodied consciousness.

Предлагаем начать данную статью с известных слов П. Наторпа: «Всякий, кто хочет сделать какой-нибудь шаг вперед в философии, считает первой своей обязанностью разобраться в философии Канта» [1, с. 121]. Сказанное в начале XX в. сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени. Влияние ряда принципиальных положений философии Канта обнаруживается в пространстве современного дискурса, возникающего на пересечении философии и науки. Прежде всего, речь идет об утверждении созидательной деятельности субъекта, смотрящего на мир через призму своего сознания. При этом Кант обосновал конструирующую роль не только мышле-

ния, но и чувственного восприятия. Так, Д. И. Дубровский говорит о присутствии конструктивности в любом познавательном процессе как о «факте, не вызывающем сегодня сомнений»: «Не говоря уже об абстрактных, теоретических построениях, аспект конструктивности присутствует даже в простейших чувственных образах. Нейронаучные исследования убедительно показали, что формирование зрительного восприятия всегда происходит в зависимости от некоторой “модели мира” (в нейронаучной интерпретации)» [2, с. 10]. Наличие некоей априорной «модели», или априорных структур, в созидательных актах сознания выступает общим местом в рамках такого направления, как эпистемологический конструкти-

визм. Поясняя суть данного направления и его невероятную распространенность в философии и науке, Е. Н. Князева отмечает: «Конструктивизм в теории познания – это такой подход, в рамках которого считается, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его. Этот подход развивается разными авторами на базе различных дисциплинарных областей...» [3, с. 142]. Среди последних автор выделяет генетическую эпистемологию, системную теорию, кибернетику, антропологию, психологию восприятия, нейробиологию и другие области знания [там же]. Таким образом, вовсе не случайно возникает утверждение Е. Н. Князевой, что «конструктивизм стал, пожалуй, одной из наиболее влиятельных парадигм в науке нашего времени» [4, с. 9].

Нетрудно догадаться, что у истоков конструктивистских представлений большинство исследователей выделяют имя Канта [3–5]. Вместе с тем, как пишет В. А. Лекторский: «...Вряд ли можно безоговорочно отнести Канта к течению эпистемологического конструктивизма... Ибо в теории познания Канта есть и то, что явно выходит за рамки конструктивистского понимания познания. При этом речь идет не просто о какой-то непоследовательности великого философа..., а как раз о том, что он выявил те эпистемологические проблемы, которые трудно решить с чисто конструктивистских позиций. В этом смысле основные дилеммы эпистемологического конструктивизма сформулированы Кантом предельно ясно. Лучше него никто этого не сделал» [5, с. 11–12]. Прежде всего, Лекторский говорит о проблеме соотношения наших знаний, являющихся конструкциями, и реальности самой по себе, «вещи в себе». Отсюда проистекает известная дилемма «конструктивизм vs реализм». Целый веер современных направлений – реализм и антиреализм, эпистемологический конструктивизм, конструктивный реализм, эволюционная эпистемология, сложностный подход, энантивизм и деятельностный подход и многие другие направления, – пытаются осмыслить указанную проблему и выдвинуть если не решение, то, по крайней мере, обозначить особую позицию или отношение к ней.

Итак, ряд фундаментальных положений теории познания Канта, преломляясь в свете достижений области когнитивных исследований, оказывает огромное влияние на современную ситуацию в гносеологии. Как справедливо отмечается в предисловии к сборнику материалов Международного кантовского конгресса под редакцией В. С. Стёпина и Н. В. Мотрошиловой, «“смысловая стойкость во времени”, которую обнаружили фундаментальные кантовские суждения, пожалуй, никогда еще не вызывала такого страстного исследовательского интереса, как во вто-

рой половине XX столетия» [6, с. 3]. С развитием наук о сознании, особенно корпуса нейронаучных исследований, страстность данного интереса в веке XXI только усилилась. Как отмечает В. А. Бажанов: «Работы в области такого бурно прогрессирующего направления нейронауки, как социально-культурная и когнитивная нейронаука, идут под знаком философии И. Канта (1724–1804). По признанию многих ведущих ученых, здесь реализуется кантовская программа исследований» [7, с. 65]. Бажанов подчеркивает удивительную судьбу творческого наследия немецкого классика, основополагающие идеи которого «столетия спустя, смогли стать не просто созвучными, а в некотором смысле даже определяющими в сферах научного поиска, довольно далеких и от философии вообще, и от критической философии И. Канта в частности» [там же].

Как известно, в XIX в. было немало высказываний на тему, что «Кант устарел», что это «кабинетная философия», которую без потерь можно списать в архив. Такой оценке способствовали бурное развитие физики и математики, появление неевклидовой геометрии. Сегодня же в литературе распространение получают противоположные суждения: «Чаще, чем любое другое учение, относимое к разряду классических, кантовская философия вовлекается в современный дискурс в статусе непонятого (или, по крайней мере, недооцененного) проекта» [6, с. 4]. Отсюда возникает закономерный вопрос о соотношении кантовской теории познания и современного физико-математического знания. Попробуем порассуждать над теми аспектами этого вопроса, которые касаются, прежде всего, системы категорий и априорных форм чувственности. Именно здесь, как представляется, более всего выражена непонятость рассматриваемого «проекта».

В литературе мы можем найти длинный ряд рассуждений на тему того, что «принципы механистического естествознания оказали значительное влияние на родоначальника немецкой классической философии. Многие исследователи творчества Канта (А. Койре, Г. Коген и др.) отмечают, что, согласно Канту, вся новая философия вообще должна быть построена по образу и подобию ньютоновской науки...» [8, с. 15–16]. Но ведь базовые положения ньютоновской механики были превзойдены последующим развитием физики. Отсюда делается вывод, будто фундаментальные принципы кантовской философии устарели и должны быть пересмотрены с позиции новых физических теорий. Такая логика вроде бы и последовательна, но не представляется верной, ибо исходит не из тех оснований.

Как справедливо замечает немецкий исследователь Л. Шефер, «трансцендентальное мышление не может быть понято только из физики. Содержатель-

ное отождествление кантовских понятий с положениями ньютоновской физики становится роковым, если абсолютно погрузить мысль Канта в сферу классической физики...» [там же, с. 38–39]. Как ни крути таблицу категорий Канта, законы классической механики логически из нее не выводятся, как собственно и законы любой другой науки, – не только не удастся обнаружить никакого прямого вывода, но даже проведение аналогий и содержательных параллелей оказывается бессмысленным. Ведь Кант обращается к максимально предельным формам разума. Система категорий вмещает содержание не одной физики, но вообще любой науки, – человеческого сознания в целом. Так, мы не можем мыслить вне категории субстанции, понятой в кантовском смысле как объект, закрепляющий постоянность некоторых качеств, или, в логической терминологии, как субъект возможной предикации. Иными словами, чтобы мыслить, мы должны представлять в своем сознании некий объект, осознавать его как один и тот же, даже если он развивается или претерпевает какие-то изменения. Аналогичным образом, существуя в текучем, меняющемся мире, мы не можем мыслить вне категорий причинности и случайности, базирующихся на временности нашего восприятия. Не случайно Хайдеггер центральным ракурсом рассмотрения кантовской системы априорных принципов делает время, выражающее ограниченность и конечность наших представлений о бытии.

Отсюда тянется целая цепочка давно наболевших проблем философии. В частности, как рационально представить процессуальность, не сводя ее к совокупности выделенных элементов или фиксированных точек? Как воплотить непредметные смыслы, которые не умещаются в объектной картине мира, конструируемой нашим разумом? Как мыслить идентичность человека, его Я, если уже в следующее мгновение он может стать другим? А этот другой человек – он тот же самый? Сам вопрос звучит парадоксально. Иначе говоря, мы можем считать, что это тот же самый объект? С логической точки зрения здесь возникает вопрос (вспомним парадокс про корабль, все детали которого постепенно поменяли во время путешествия). А если мы скажем, что неправильно рассматривать человека как объект, то что нам в таком случае делать и как именно его мыслить? Каким образом включить человеческое существование в сферу предметного мышления? Обращаясь к другим категориям отношения: каким иным образом мы можем мыслить связь явлений в опыте, если не через категории причинности-случайности (когда выражается последовательность сменяющихся событий) или взаимодействия (если речь идет об одновременности взаимобратных изменений, или, в терминах системного подхода, о круговой причинности)? И преодо-

леть, превзойти теорию познания Канта – это найти на данные вопросы удовлетворительные ответы, если таковые вообще возможны. И ни в коей мере подобным преодолением не являются понятие четырехмерного пространства-времени или открытие новой частицы. Данные понятия отрицают физические знания, которые были у Канта на основании науки своего времени, но не его гносеологическую концепцию и систему категорий. Любая физическая теория, будь то теория относительности или какая-то другая, с течением времени будет превзойдена или уточнена, существенно доработана, но она будет выражаться в этих категориях как предельных формах нашего разума. Мы не можем мыслить, не выделяя объекты: родина, пространство-время, единорог, мое Я. Мы не можем выделить объект, не зафиксировав некий постоянный признак. Мы не можем не упрощать, выделяя в текучей изменчивой реальности фиксированные, заданные признаки. Отсюда следует, во-первых, неизбежность редукционизма и вечность предельных вопросов, фиксируемых кантовскими антиномиями (что мы пытались показать в нашей прошлой статье [9]). А, во-вторых, следует вывод, что анализируемая система не может быть раскритикована с позиции физической или какой-либо другой частнонаучной теории.

Здесь закономерным оказывается другой вопрос: является ли кантовская программа единственно возможным подходом к анализу сознания? Учитывая те тупики, в которых оказались науки о сознании, тупики, непреодолимые, согласно общему мнению, средствами существующих философских и научных подходов, хочется думать и верить, что возможен какой-то иной угол зрения, который откроет более широкий взгляд на проблему. Новый взгляд, включающий не только формальную и трансцендентальную логику, но также психику человека и его телесность. Как пишет К. В. Анохин: «Как и в случае дарвиновской революции, это решение вряд ли придет в результате какого-то отдельного наблюдения или эксперимента. Для него потребуется усилие особого рода – разработка фундаментальной теории когнитивных систем, обладающих свойствами разума и сознания» [10, с. 39].

Но пока такой теории не существует, в наших силах попытаться отразить основания существующих подходов, в границах которых мы пытаемся осмыслить искомую проблему. И первым рубежом на этом пути является кантовская теория познания, лежащая у истоков широко распространенных конструктивистских представлений, особенно тех, которые, как отмечалось выше, признаются многими исследователями общими местами эпистемологии. Почему это важно? Потому что начало, исток содержит в себе и свой собственный финал,

свою предельную границу, лишь найдя которую мы сможем определить, куда же двигаться дальше. Однако на подходе к данной задаче возникают немалые трудности. За более чем два столетия кантовская философия, как никакая другая, густо обросла толстым покровом признанных авторитетных интерпретаций, так что пробиться сквозь эту толщу к аутентичным идеям немецкого классика – дело весьма непростое. О важности «неискаженной» интерпретации кантовского учения пишет Наторп: необходимо «понять его из собственного его принципа и определить его значение с точки зрения этого самого принципа, а не с какой-либо другой, навязанной ему извне» [1, с. 121]. В этом случае можно было бы избежать многих путаниц и разобщений в интерпретации.

И начать стоит с самого главного, а именно – с осмысления того, что есть категория. Ибо непонимание обнаруживается уже в этом самом центральном пункте трансцендентальной философии. При анализе литературы, посвященной системе априорных структур, обращает на себя внимание позиция, весьма далекая от кантовского представления, – что категории развиваются. Говоря о том бесценном вкладе, который внесла в философию и науку идея априоризма, подчеркивают, однако, что немецкий классик не догадался поместить данную идею в контекст культурно-исторического развития. При таком подходе упускаются из виду те основания, на которых Кант формировал свою систему. Как известно, в качестве основы были взяты синтетические функции логических суждений, которые, важно уточнить, не подвергаются культурно-историческому изменению.

Можно возразить, что разные исследователи логики уточняют свой набор суждений, в литературе мы находим множество дискуссий на тему, выделять ли ту или иную форму суждения в отдельный вид или рассматривать ее как частный случай, подвид другого суждения [11]. Разночтения видны даже на уровне учебников. Однако за более чем две с половиной тысячи лет базовый набор суждений всё же более-менее устоялся. Да, здесь, безусловно, возникает проблема полноты. Логика, как и любая другая наука, представляет собой развивающуюся область знания, положения которой всегда могут быть дополнены. Проблема заключается еще и в том, что нет однозначных выводов относительно природы логического, и это составляет один из наиболее дискуссионных и наиболее важных вопросов данной области: является ли логика теоретической дисциплиной «об объективных, идеальных связях и отношениях» или она представляет собой эмпирическую науку, проводящую анализ сознания и развивающихся структур языка [12, с. 217–219]? А поскольку основания логического однозначно не определены, следовательно, до конца

неосмысленной остается проблема полноты системы категорий.

Важно отметить, что, хотя фундаментом для набора категорий послужила формальная логика, кантовская трансцендентальная система не сводится к ней напрямую. Трансцендентальная логика синтезирует в себе функции суждения как наиболее общие способы связи возможного содержания и базовые закономерности чувственных форм созерцания. Кантовская постановка проблемы чувственности многогранна, она включает в себя, во-первых, интенсивный синтез ощущения, дающий чувственно воспринимаемое качество, во-вторых, формы созерцания, выражающие экстенсивный синтез пространства и времени. И сведение всей сложности данной проблемы к вопросу размерности физического или математического пространства – это крайнее упрощение и явная недооценка того вклада, который немецкий философ внес в проблему чувственности. В «Критике» обосновывается горизонтная структура пространственного континуума, формирующая самое наше восприятие и позволяющая осуществиться в нем феноменам и рассудочным формам. Время – это не просто характеристика, отражающая одномерность последовательных событий, оно фундирует партикулярность нашего восприятия и мышления и, в конечном счете, обнимает всю систему категорий.

В свете сказанного решительно неверно отождествлять кантовские категории с понятиями частной предметной сферы. В литературе термин «категория» зачастую сопоставляется с базовыми понятиями науки. Именно из-за непонимания принципиальной разницы данных рациональных форм и возникает ошибочное представление о развитии категорий. Ибо базовые понятия и основания науки действительно могут и должны развиваться, но не предельные формы нашего мышления.

Итак, Кант проводит принципиальное разграничение между категорией и эмпирическим понятием. Если первые неизменны и универсальны, то относительно вторых философ утверждает возможность их неограниченного развития. Однако крайне важным является еще одно различие внутри архитектоники трансцендентальной субъективности, которое, к сожалению, гораздо менее освещено в литературе. Помимо базовых априорных форм Кант упоминает о возможности построения системы выводных, производных доопытных принципов: «Категории, связанные с модусами чистой чувственности или же связанные друг с другом, дают множество априорных производных понятий...» [13, с. 113]. Данные понятия философ называет предикациями чистого рассудка и утверждает, что на основе всего комплекса априорных форм, базовых и производных, можно построить «полный план науки как целого»: «...Полный словарь

этих понятий со всеми необходимыми пояснениями не только возможен, но и легко осуществим. Рубрики его уже имеются, остается только заполнить их, и с помощью такой систематической топики, как наша, нетрудно найти соответствующее каждому понятию место, а также заметить еще не заполненные места» [там же]. Достаточно сомнительной выглядит легкость заполнения свободных мест, однако продуктивность для науки данного предприятия представляется весьма эвристической. В этом процессе могут быть найдены такие рациональные формы, которые еще не выявлены в науке исторически, на путях творческого открытия новых теоретических концептов, но которые могут быть обретены другим способом, на основе анализа фундаментальных структур нашего сознания. Кроме того, подобный анализ позволит науке прояснить собственные основания и понять, что в ней относится к универсальным априорным элементам, а что к эмпирическому содержанию.

В качестве примера Кант привел лишь несколько предикабилей: сила, действие, страдание, изменение, возникновение и исчезновение. В другом месте философ, по сути, обосновывает понятие тела в качестве предикабилей, которая образуется при синтезе категории субстанции-акциденции и формы чувственности пространства. Аналогичным образом во второй антиномии происходит обоснование частицы как предикабилей. Однако в данном предприятии есть проблема, которая возникает перед представителем гуманитарной области знания. Заполнение лакун в сформированной Кантом системе невозможно без образования в области естественных наук, прежде всего, физико-математических. Точнее, данная работа требует совместных усилий и междисциплинарного подхода. Иначе возможен смысловой промах в соотношении того или иного сочетания априорных форм с существующими в науке теоретическими концептами. Так, представляется возможным рассмотреть в качестве предикабилей понятие энергии, где центральными элементами синтеза выступают категории реальности (что важно, в кантовском смысле интенсивности качества, а не квалиа) и взаимодействия. Самостоятельно философ может попробовать осуществить задачу заполнения свободных мест в ряде априорных форм, связанных с предельными метафизическими определениями, такими как движение, изменение, возникновение, исчезновение, процесс, событие и т. д. Кроме того, особый интерес вызывает прояснение терминологии системного подхода, в которой существует огромная путаница. Система, структура, совокупность, организация – всё это пересекающиеся по смыслу понятия, развести которые довольно трудно, не имея методологической опоры. Примером могут служить работы французского теоретика системного подхода Э. Морена.

И основной априорной формой здесь выступает категория взаимодействия – самая забытая из кантовских категорий. Теоретики разных областей, специально останавливающиеся на анализе кантовской системы, в частности, Пиаже, Хайдеггер, Лосский, о ней даже не упоминают. А между тем не будет преувеличением сказать вслед за Берталанфи, что базовый понятийный аппарат системного подхода строится на основе категории взаимодействия.

Таким образом, в нашем познании есть ряд форм, которые представляют собой не просто конкретно-исторические открытия человеческого ума, но выражают фундаментальные структуры сознания в конструировании предметности. Если поразмышлять в другом направлении: тело, частица, поле, сила – случайно ли данные понятия близки нашему естественному языку и присутствуют в мысли человека с давних времен, если не в строгих понятиях, то, бесспорно, в образах обыденного мышления? Не происходят ли они из более глубоких истоков, чем историческое развитие науки?

Поскольку выйти за рамки мышления и взглянуть на его основания со стороны у нас возможности нет, мы можем попытаться найти косвенные подтверждения кантовской теории познания. Одной из таких опор для нас выступает идея «затравочного образа» С. Н. Жарова [14]. Обратимся к следующему отрывку отечественного философа: «Физическая вещь (например, “электрон”) определяется своими эмпирически проверяемыми свойствами, а определение свойств требует указания на вещь, которой они принадлежат. ...В определении свойств присутствует некий априорный тип вещи, затравочный объект (в нашем примере – “частица”), а затем сама вещь (“электрон”) определяется через свойства, заданные с помощью этого затравочного объекта. Во-первых, удивительно то, что, при всём богатстве математических форм и теоретических предикатов физика имеет весьма бедный набор устоявшихся затравочных образов (“тело”, “частица”, “поле”))» [15, с. 73–74]. На наш взгляд, здесь прослеживается очевидная смысловая параллель с кантовским учением: научное понятие раскрывается как синтез «априорных типов» и конкретного эмпирического содержания. Кроме того, большое значение имеет указанная Жаровым «удивительная» «бедность» набора затравочных образов. Как представляется, объяснение возможно на основе теории познания Канта: система базовых категорий достаточно обозрима; соединение форм рассудка друг с другом и с априорными формами чувственности дает хотя и относительно широкий, но не бесконечный список предикабилей. Также в контексте нашего исследования значимостью обладает следующее замечание: «Затравочные образы есть те предельные “точки”, в которых останавливается всякий теорети-

ческий синтез и над которыми он не властен» [там же, с. 74]. Эта неподвластность, «остановка» синтеза позволяет увидеть в совокупности мыслительных форм нечто большее, чем исторически изменчивые конструкции разума, но выражение всеобщих структур нашего сознания, которые являются не-обходимыми.

Однако при сравнении двух подходов можно выделить и существенные различия. В кантовской интерпретации придикабилия предстает как чистая форма мышления, о содержательной составляющей которой мы не можем поставить вопроса в силу предельности самих форм – всё возможное содержание выражается в этой сетке неизменных априорных структур. Тогда как, с точки зрения Жарова, затравочный образ может развиваться, причем развитие в данном случае понимается как возникновение совершенно новых мыслительных структур, имеющих при такой постановке вопроса культурно-исторический характер. В данном контексте закономерно ставить проблему о содержательной составляющей этих структур. На наш взгляд, понятие затравочного образа уточняет архитектуру трансцендентальной субъективности: категория, предикабилия, затравочный образ, эмпирическое понятие. Оно выступает промежуточным связующим звеном между предикабиями, чистыми всеобщими априорными формами и эмпирическими понятиями. Затравочный образ, по мысли Жарова, имеет «размыкающий характер» и включает в себя «нетематизированный горизонт онтологических интуиций» [14, с. 245]. Согласно Канту, между разнородными познавательными формами необходимо промежуточное звено; в качестве такового немецкий классик утверждает схематизм воображения. Но образ – тоже продукт воображения. Думается, неслучайно Жаров берет словосочетание «затравочный образ» при формулировании своего понятия, выводящего мышление от заданных структур в бесконечность творческих поисков.

Осмысление указанных идей Жарова и сопоставление их с теорией познания Канта, безусловно, требует специального рассмотрения. В данном случае для нас особенно ценно, что эта идея высказана на совершенно других смысловых и логических путях и поэтому может рассматриваться как дополнительное подтверждение рассматриваемой логики кантовской программы.

Таким образом, мы пытались показать, что последняя выходит далеко за рамки оснований классической механики. И здесь гораздо продуктивнее понять, как именно Кант работал с ньютоновской механикой, к каким ключевым выводам пришел в процессе своего анализа и каким образом последние были трансформированы в оригинальную систему критической философии. Выражаясь в кантовской терми-

нологии, понимать тот внутренний, субъективный синтез, который был осуществлен творческой мыслью философа. Ряд ценных идей на этом пути удалось найти в монографии Т. Б. Длугач «И. Кант: от ранних произведений к “Критике чистого разума”». Как отмечает автор, несмотря на влияние многочисленных теорий, «Кант приходит к другим философским решениям. Он следует внутренней логике своего собственного развития, воспринимая все внешние влияния в качестве его стимулов, но не определяющих причин» [8, с. 68]. К сожалению, в рамках весьма ограниченного объема статьи нет возможности детально рассмотреть логику автора, который показывает, что Кант анализировал не только теорию Ньютона, но, прежде всего, логику творческого мышления великого физика. Длугач говорит о формировании «феноменологического подхода в ньютоновском естествознании», влияние которого «проявляется в том, что предметы внешнего мира начинают трактоваться Кантом как вещи в себе – по аналогии с силой, природа которой, бытие которой само по себе, независимо от воздействий остается неизвестным; не сущность, а явление объявляется уделом человеческого знания» [там же, с. 15]. Сама же сущность рассматривается как «черный ящик». Длугач показывает, что на основе анализа творческого мышления Ньютона основоположник трансцендентализма приходит к формированию идеи вещи в себе и базовых категорий (субстанция, взаимодействие) как априорных принципов, ничего не говорящих о реальности самой по себе. Физика Ньютона, философские учения Юма и Лейбница – Кант черпал из многих источников, трансформированных, синтезированных в конечном итоге в совершенно оригинальную концепцию, которая напрямую не выводится ни из одного отдельно взятого учения, но, объединяя достижения последних, формирует систему, фундаментальные положения которой едва ли потеряют когда-нибудь свою значимость в теории познания. По крайней мере, пока когда-нибудь в будущем не будут найдены и превзойдены ее глубинные основания. Однако, даже сейчас, два столетия спустя и спустя множество величайших открытий науки, перевернувших мир, мы говорим не о преодолении философии Канта, а о прояснении интуиций гениального философа и поиске оснований его системы.

Попытка подобраться к этим основаниям, объяснить, почему человек обладает именно такими, а не иными всеобщими универсальными структурами мышления, осуществляется сегодня в рамках широкого корпуса наук о сознании. Как нетрудно увидеть, современная философия весьма существенно поменяла угол зрения на проблему сознания. Довольно перспективными на этом пути видятся деятельностный подход и программа энактивизма. Как справед-

ливо отмечает В. А. Лекторский, «в первое время своего существования когнитивная наука пыталась понять познавательные процессы в отвлечении от всего, в том числе и от мозга. Потом признали значение мозга... А вот есть ли у познающего тело или нет – неважно... Сейчас доминируют совершенно другие идеи...» [2, с. 32]. В связи с этим интерес представляют понятия «отелесненное сознание» и «когнитивная ниша человека». Как замечает Н. М. Смирнова: «...В процессе мышления участвуют нервная система... и еще целый ряд биологических структур. В результате отелесненное сознание неизбежно ставится в позицию деятельностного отношения к миру. Поэтому сами понятия мышления и познания теряют свою локализацию как находящиеся под черепной коробкой» [там же, с. 33]. Что касается второго понятия, по определению Е. Н. Князевой, когнитивная ниша человека представляет собой «тот фрагмент мира, которым овладевает человек, познавая, а значит, реконструируя и идентифицируя его, но не применяя при этом искусственных вспомогательных средств» [16, с. 141]. В поле понятия трансцендентальной субъективности Кант выделил базовые структуры этой ниши, категории рассудка и формы чувственности. И какие бы сложные теоретические конструкты ни создавались учеными, как бы далеко от опыта ни воспаряла творческая мысль, покидая границы трехмерного чувственного восприятия, когнитивная ниша человека – это наша извечная познавательная основа. И мы ограничены ею хотя бы в том отношении, что все данные конструкты должны проверяться на опыте, иначе они останутся в статусе гипотезы или просто фантазии. А чем дальше мы выходим за рамки нашей когнитивной ниши, тем сложнее и неоднозначнее проверка. И здесь позиция Канта непоколебима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Натопн П. Кант и марбургская школа / П. Натопн // Избранные работы. – М. : Территория будущего, 2006. – 384 с.
2. «Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 5–38.
3. Князева Е. Н. Эпистемологический конструктивизм / Е. Н. Князева // Философия науки. – 2006. – Т. 12, № 1. – С. 133–153.
4. Князева Е. Н. Энактивизм : новая форма конструктивизма в эпистемологии / Е. Н. Князева. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 352 с.
5. Лекторский В. А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 11–21.
6. Иммануил Кант : наследие и проект / под ред. В. С. Степина, Н. В. Мотрошиловой. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2007. – 624 с.
7. Бажанов В. А. Кантианские мотивы в современной нейронауке / В. А. Бажанов // Философия науки и техники. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 63–74.
8. Длугач Т. Б. И. Кант : от ранних произведений к «Критике чистого разума» / Т. Б. Длугач. – М. : Наука, 1990. – 136 с.
9. Вяткина А. Г. Проблема редукционизма в контексте системного подхода. Часть 2: Логические истоки редукционизма / А. Г. Вяткина // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Философия. – 2023. – № 1. – С. 32–37.
10. Анохин К. В. Когнитом : в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания / К. В. Анохин // Журнал высшей нервной деятельности. – 2021. – Т. 71, № 1. – С. 39–71.
11. Таванец П. В. Вопросы теории суждения / П. В. Таванец. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 195 с.
12. Смирнова Е. Д. Логика в философии и философия логики / Е. Д. Смирнова // Логические исследования. – 2000. – Т. 7. – С. 217–231.
13. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
14. Жаров С. Н. Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки / С. Н. Жаров. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 352 с.
15. Жаров С. Н. Жизненный мир как исток всех теоретически возможных миров (трансценденция непредметного бытия в структуре научного мышления) / С. Н. Жаров // Теоретическая виртуалистика : новые проблемы, подходы и решения. – М. : Наука, 2008. – С. 55–78.
16. Князева Е. Н. Эволюционная эпистемология перед лицом междисциплинарных вызовов современной науки / Е. Н. Князева // Философия науки. – 2014. – Вып. 19. – С. 125–144.

Воронежский государственный университет
Вяткина А. Г., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания
E-mail: allavia85@mail.ru

Voronezh State University
Viatkina A. G., Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department
E-mail: allavia85@mail.ru